

Е.П. Педчак

Г. Державин Фелица

Репутация поэта складывается при его жизни. Реальное же понимание его поэзии и ее места в литературном развитии определяет и обуславливает история. Яркой иллюстрацией этой закономерности является творчество Державина.

Слава пришла к Державину внезапно в 1783, когда в первом номере журнала «Собеседник любителей русского слова» была напечатана его ода «Фелица». Стихотворение, обращенное к Екатерине II, понравилось императрице, автор был награжден золотой табакеркой и 500 червонцами.

Происходило это в пору нарастающего кризиса классицизма, когда ода себя изживала. Правила нормативной поэтики обязывали следовать образцам (реально в России — подражать одам Ломоносова).

Державин же выступил дерзким разрушителем эстетической системы классицизма, смелым новатором, открывшим русской поэзии новые пути.

Что же сделал Державин? «Путь непротопанный и новый ты избрал». И на этом пути проявилась его оригинальность: сохраняя высокую тему — воспевая «добродетели» императрицы, — он отказался от риторики и простым слогом выразил свое личное отношение к Екатерине II и ее окружению: «Ты простотой умел себя средь нас вознесть».

Его ранние оды, в особенности знаменитая «Фелица», также заключают в себе нагнетание торжественных восхвалений царицы за высокую добродетельность ее правления. Из 26 десятистиший «Фелицы» (лирическая медитация в 260 стихов!) 19 выражают такие растянутые и во многом однообразные восхваления.

Но автор этой оды начал творить в то время, когда сверхличность гражданского мышления, свойственная «ортодоксальному» классицизму, стала уже утрачиваться, когда в нем уже возникала дифференциация личного начала, возбуждаемого начавшимся кризисом старого сословного общества и его власти. Это приводило к существенным сдвигам в сфере художественного «миросозерцания», к преодолению его гражданско-моралистической отвлеченности и, в частности, к значительному усилению предметной образительности в жанре гражданской оды. Державин и выступил здесь как поэт-новатор — он поразил своих современников введением в этот «высокий» и торжественный жанр мотивов юмористического изображения частной жизни.

В «Фелице» после 4 строф вступления и первых восхвалений строгой жизни царицы, по контрасту с ними, следуют 7 строф, содержащих слегка насмешливое изображение вольной и беззаботной жизни самого лирического субъекта, одного из приближенных царицы, а в намеках — и ее вельмож. В этих строфах предметная образительность возникает при воспроизведении отдельных моментов привольной жизни вельможей, она явно преобладает над медитативностью. Но она все же подчинена общей иронической интонации описания. И даже синтаксически целых пять строф такого описания связаны между собой анафорическими повторами союза «или» («Или в пиру я пребогатом, // Где праздник для меня дают, // Где блещет стол серебром и золотом, // Где тысячи различных блюд...», «Или средь рощицы прекрасной, // В беседке, где фонтан шумит...» и т. д.). А далее, развивая тот же контраст, поэт вновь обращается к длинным, нагнетанным и торжественным славословиям царице и ведет их в отвлеченно-медитативном плане.